

ДУКОМОРЬЕ

8-е ИЗДАНІЯ
№ 20
1913

Сдача въ пѣль.

Лев. П. Смукровица.

ЛУКОМОРЬЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА. ЦѢНА НА ГОДЪ съ доставкой и пересл. на полгода—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—

Деньги просить адресовать: Петроградъ, Невскій пр., д. 40, Конторѣ журнала «ЛУКОМОРЬЕ». Подписка принимается также в книжных магазинах «Новаго Времени» — въ Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Ростовѣ-на-Дону и Харьковѣ.

ВЫХОДИТЬ ПО СУББОТАМЪ.

Редакторъ-Издатель. М. А. Суворинъ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛУКОМОРЬЕ

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ:

СБОРНИКЪ «ЛУКОМОРЬЕ». Цѣна 2 р.
СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ — «Четырнадцатый годъ». Цѣна 1 р.
М. КУЗМИНЪ — Военные рассказы. Цѣна 1 р. 50 к. Обложка С. Судейкина.
БОРИСЪ ЛАЗАРЕВСКІЙ — Во время войны. Цѣна 1 р. 50 к. Обложка Д. Митрохина.
В. ОПОЧНИНЪ — Грезы и Жизнь. Стихи. Цѣна 1 р. 50 к. Обложка Е. Нарбута.
ГЕОРГІЙ ИВАНОВЪ — Памятникъ славы. Стихи. Цѣна 1 р.
МИХАИЛЬ ДОЛНОВЪ — Радуга. Стихи. Цѣна 1 р. Обложка Н. Мозаленского.
М. ВЛАДИМЪ — Равсказы. Цѣна 1 р. 25 к. Обложка Е. Нарбута.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

Контора: Петроградъ, Невскій пр., 40.
Экспедиція: Ул. Жуковскаго, д. 7, кв. 56.
Тел. 276-96.

ЧИСТОТА, ТИШИНА,
СПОКОЙСТВИЕ И ВСѢ УДОБСТВА

ВО ВНОВЬ ОТДѢЛАННОМЪ
MAISON MEUBLÉE
„MON RÉPOS“

Ул. Жуновскаго, д. 7,
близь Литейскаго и Невскаго пр.

ЦЕНТРЪ ГОРОДА.

108 удобныхъ комнатъ. Электрическое освѣщеніе, подъемная машина, ванны.

Телефоны: №№ 32-36, 584-81 и 620-00.

Помѣсячно отъ 30 р. до 185 р. и посуточно отъ 1 р. 50 к. до 8 р.

Извозчикамъ не вѣрить,
что свободныхъ номеровъ нѣтъ.

Функционируетъ круглый годъ.

ПРОДАЕТСЯ ВЪ МАГАЗИНАХЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» И ДР. КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КРАСИВЫЙ АЛЬБОМЪ
СИЛУЭТЫ ВОЙНЫ

РИСУНКИ УЧАСТНИКА.

32 рисунка.

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ.

КОЕ-КТО

КОЕ-ЧТО

ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Изданіе третье, дополненное.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧЪ ПАШКОВСКІЙ

ТОРГОВЫЙ СКЛАДЪ ПИШУЩИХЪ МАШИНЪ

Телефонъ
257-75.

ПЕТРОГРАДЪ, Гагаринская ул., д. № 26.

Телефонъ
257-75.

Особенно рекомендуются покупателямъ **ЛУЧШІЯ НА МИРОВОМЪ РЫНКѢ АМЕРИКАНСКІЯ ПИШУЩІЯ МАШИНЫ Л. С. СМИТЬ И БРАТЯ.**

Соединяя въ своей конструкціи всѣ преимущества первоклассныхъ системъ (весь, до послѣдней буквы, видимый текстъ написаннаго, открытый шрифтъ, очень простая приспособленія для писанія двухцвѣтной лентой и безъ ленты, обратный ходъ каретки, легко снимающийся валикъ и проч.) — машина **Л. С. СМИТЬ И БРАТЯ** въ то-же время отличается отъ другихъ машинъ полной устойчивостью каретки, чистотой отпечатка знаковъ, удивительной легкостью въ работѣ, отсутствіемъ обычнаго шума при движеніи каретки, замѣчательной практичностью въ устройствѣ табулятора, исключительной прочностью рабочихъ частей и другими не менѣе важными преимуществами. Всѣ перечисленные и многія другія качества этой машины становятся несомнѣнными при детальномъ ознакомленіи съ нею, такъ какъ вполне видимы и осязаемы. При этомъ, наприм., легкость удара не только ощущается пишущимъ, но и дѣлается понятною, такъ какъ всѣ движущіяся и трущаяся части машины (буквенные рычаги, каретка и переводъ регистра) работаютъ на шарикахъ, какъ колеса велосипеда, способныя вращаться болѣе получаса отъ легкаго толчка рукою.

Буквенный рычагъ.

СКЛАДЪ Н. А. ПАШКОВСКАГО беретъ на себя чистку и починку пишущихъ машинъ всѣхъ системъ, имѣетъ всѣ принадлежности для пишущихъ машинъ, особое вниманіе удѣляетъ на идеальное обученіе машинному письму, подъ своей отвѣтственностью исполняетъ переписку бумагъ, переводы и проч.

Для принятія заказовъ и личныхъ объясненій имѣются особые агенты, которыхъ всегда можно вызвать по телефону 257-75.

ДЕВИЗЪ СКЛАДА: всѣ заказы исполнять быстро, дешево и великолепно: складъ для клиентовъ, а не клиенты для склада...

НАИЛУЧШІЯ ВОЛОСЯНЫЯ ИЗДѢЛІЯ

(ИЗЪ ФРИЗЮРЪ НАТЮРЕЛЬ)

ДАМСКІЯ ПРИЧЕСКИ И МАНИКЮРЪ
ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНѢ

„ПОЛЬ“

Прейсъ-курантъ за 4 десятикоп. марки.
Петроградъ, Пантелеймонская ул., № 10.
Телеф. 47-19 и 65-47.

ВЛАД. П. Д. ГОРБАТОВЪ.

ЛУКОМОРОЕ

№ 20.

16 мая 1915 г.

945632

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов

Въ музыкантской бесѣдкѣ.

Ежедневно, когда часы на монастырской колокольнѣ били два, Сергѣй Кузьмичъ выходилъ на прогулку, по Дворянской, на Сѣнную площадь, а дальше переулками брелъ онъ съсутулившійся и грузный туда, за заставу, въ пріютскій садъ. Желтый, съ отвалившейся кое-гдѣ штукатуркой, домъ пріюта былъ заколоченъ,—едвали кто въ городѣ помнилъ когда и почему это случилось,—знали о пріютѣ по названію сада и только. Лѣтомъ въ саду играла музыка, а зимой дорожки его не расчищали, лишь по главной аллеѣ вилась протоптанная въ снѣгу тропка—до Музыкантской бесѣдки—перила съ пузатыми колонками, шесть столбовъ и зеленая желѣзная крыша со скрипучимъ флюгеромъ—задорный пѣтушокъ, высоко поднявшій зубчатый хвостъ.

Въ бесѣдкѣ Сергѣй Кузьмичъ садился на скамейку и отдыхалъ. Поставивъ между колѣнями палку и положивъ на ея костяной набалдашникъ руки, онъ смотрѣлъ на каменные, Николаевскаго времени, ворота заставы съ потускнѣвшимъ золоченымъ орломъ наверху, на шоссе, которому, казалось, нѣтъ конца, на телеграфную проволоку, такую обыкновенную и всегда почему-то новую, смотрѣлъ и спокойно думалъ. Мысли были все устоявшіяся и ясныя, какія и должны

быть у человѣка въ шестьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ.

На этотъ разъ Сергѣя Кузьмича подбодрилъ апрѣльскій вѣтеръ,—дулъ онъ весело и словно играя; то легонько, щекотно овѣвалъ лицо, то дышалъ тепло и ласково, какъ теленокъ, то шало налеталъ и распахивалъ полы пальто; мѣшалъ разные запахи, сырой земли, талаго снѣга, прянаго навоза; даже отъ камней и солнца, какъ будто исходилъ вѣшній духъ.

Палка Сергѣя Кузьмича упралась тверже, на сѣрой шляпѣ темнѣли пятнышки отъ упавшихъ съ сосулекъ капель, золотая оправка очковъ ярко блестѣла.

Въ карманѣ пальто была газета, взявъ ее, чтобы дочитать тамъ въ бесѣдкѣ,—очень интересовался войной. Участникъ турецкой кампаніи, любилъ онъ вспоминать о лихомъ дѣлѣ подъ Горнымъ-Дубнякомъ, и о томъ, какъ получилъ контузію; каждый разъ теперь, раскрывая газетный листъ, возвращался мыслями къ тому времени: видѣлъ себя въ уланскомъ мундирѣ, то мечущимъ банкъ у князя Мичерадзе, то поджидающимъ въ Лѣтнемъ саду мадамъ Армо, тогдашнюю балетную звѣзду, то кормящимъ собаку на волчьей облавѣ, то шпорящимъ коня и вдыхающимъ пороховой дымъ.

Бесѣдка оказалась занята гимназистомъ и барышней: фуражка у гимназиста была повехонькая, а самъ онъ крѣпкій, румяный съ широкими черными бровями; у барышни изъ-подъ бѣлой вязаной шапочки выбились колечками рыжеватые волосы; большіе синіе глаза ея показались Сергѣю Кузьмичу очень веселыми, а ротъ всеѣмъ дѣтскимъ.

Гимназистъ что-то рассказывалъ и оба смѣялись.

Сергѣй Кузьмичъ не захотѣлъ уступить бесѣдки, поднялся по лѣстницѣ, сѣлъ напротивъ и досталъ изъ кармана газету.

Гимназистъ смѣшался и заговорилъ о другомъ.

— Вы ужъ извините,—чуть лукаво улыбулся Сергѣй Кузьмичъ:—вы люди молодые и скамеекъ для васъ много, а у меня ревматизмъ: тутъ боль, а тамъ мокро.

— Пожалуйста, вы намъ не мѣшаете,—быстро отвѣтила барышня.

— Ну, какъ не мѣшаю!

Вѣтеръ смахнулъ со скамейки вкладной газетный листъ и тотъ полетѣлъ на дорожку.

Гимназистъ схватился съ мѣста, кинулся поднять.

— Не безпокойтесь,—приветалъ Сергѣй Кузьмичъ:—покорѣйше благодарю.

Въ онопѣ. Архаве за Хопой.

Изъ воен. альбома Е. Е. Лансере.

Барышня, воспользовавшись случаемъ, сошла внизъ.

— Намъ, пожалуй, пора?— сказалъ гимназистъ.

И оба направилась по боковой аллеѣ, а Сергѣй Кузьмичъ принялся за чтеніе, но вѣтеръ не отставалъ, перегибалъ газету и вздувалъ ее, да и было на что поглядѣть вокругъ, такъ что читать, пожалуй, и не стоило. На близкомъ кустѣ акаціи, который уже пупырился почками, понасѣло столько воробьевъ, что отъ ихъ крика звенѣло въ ушахъ; лужи на дорожкахъ подергивало быстрой рябью и плясали рвались въ нихъ тонкіе солнечные червячки, у заставы оралъ пускавшій змѣй мальчишка; хвостъ змѣя медленно выгибался и было похоже, что онъ чего-то ищетъ въ голубой ширинѣ.

Черезъ нѣсколько дней Сергѣй Кузьмичъ опять встрѣтилъ въ саду гимназиста, который приходилъ фуражку, какъ хорошо знакомый. Сергѣй Кузьмичъ отвѣтилъ. Встрѣчи стали часто повторяться, то видѣлъ одного, то съ той барышней и случилось, разговорились. «Юноша славный,—рѣшилъ Сергѣй Кузьмичъ,—сердечный».

Засталъ разъ въ бесѣдкѣ, что-то пишущимъ.

— Зеленѣть-то какъ? — Сергѣй Кузьмичъ показалъ набалдашикомъ на такую нѣжно-праздничную акацію, словно она только что узнала любовь.

— У насъ ужъ черемуха зацвѣтаетъ!

— Не сочиненіе пишете?

— Нѣтъ, письмо.

— Еленѣ Васильевнѣ? — знающе улыбнулся Сергѣй Кузьмичъ.

— Почему вы думаете, что непременно ей?

— Да тутъ и думать, батюшка, нечего; именно ей и даже могу сказать, на какой предметъ.

— Ну, скажите?—и глаза его стали задорно-веселы.

— Объясненіе... самое пылкое.

— Ошиблись! Мы устраиваемъ спектакль и я пишу, что надо сдѣлать.

Сергѣй Кузьмичъ постучалъ палкой въ полъ и съ шутиливой укоризненностью качнулъ головой.

— А эти вензеля чьи?

На столбѣ, изрѣзанномъ вдоль и поперекъ, буквами и именами, были выцарапаны свѣжіе С и Л.

— Сере-сжа и Ле-е-ля,—растянулъ Сергѣй Кузьмичъ.

Сережа покраспѣлъ.

— И любите, батенька, на здоровье,—глаза у Сергѣя Кузьмича стали серьезными, а руки увѣренно легли на набалдашикъ,—это въ жизни самое драгоценное—первое чувство, сначала любовь пахнетъ ландышами, потомъ розами, а тамъ будетъ и герань, и все, что угодно, вплоть до какой-нибудь перепрѣлой луковичи.

Сергѣй Кузьмичъ говорилъ медленно, какъ бы выплавляя каждое слово; ему было пріятно видѣть смущеніе юноши, сознавать, что все хорошее повторяется: и весна, и молодость, и что его воспоминанія о томъ времени, когда онъ вотъ такъ же бывалъ застѣнчивымъ со взрослыми, еще свѣжи и нужны.

Сережа окончилъ письмо, положилъ его въ книжку, какую-то учебную съ чернильнымъ пятномъ на корешкѣ, и поднялся.

— Вы еще долго будете?

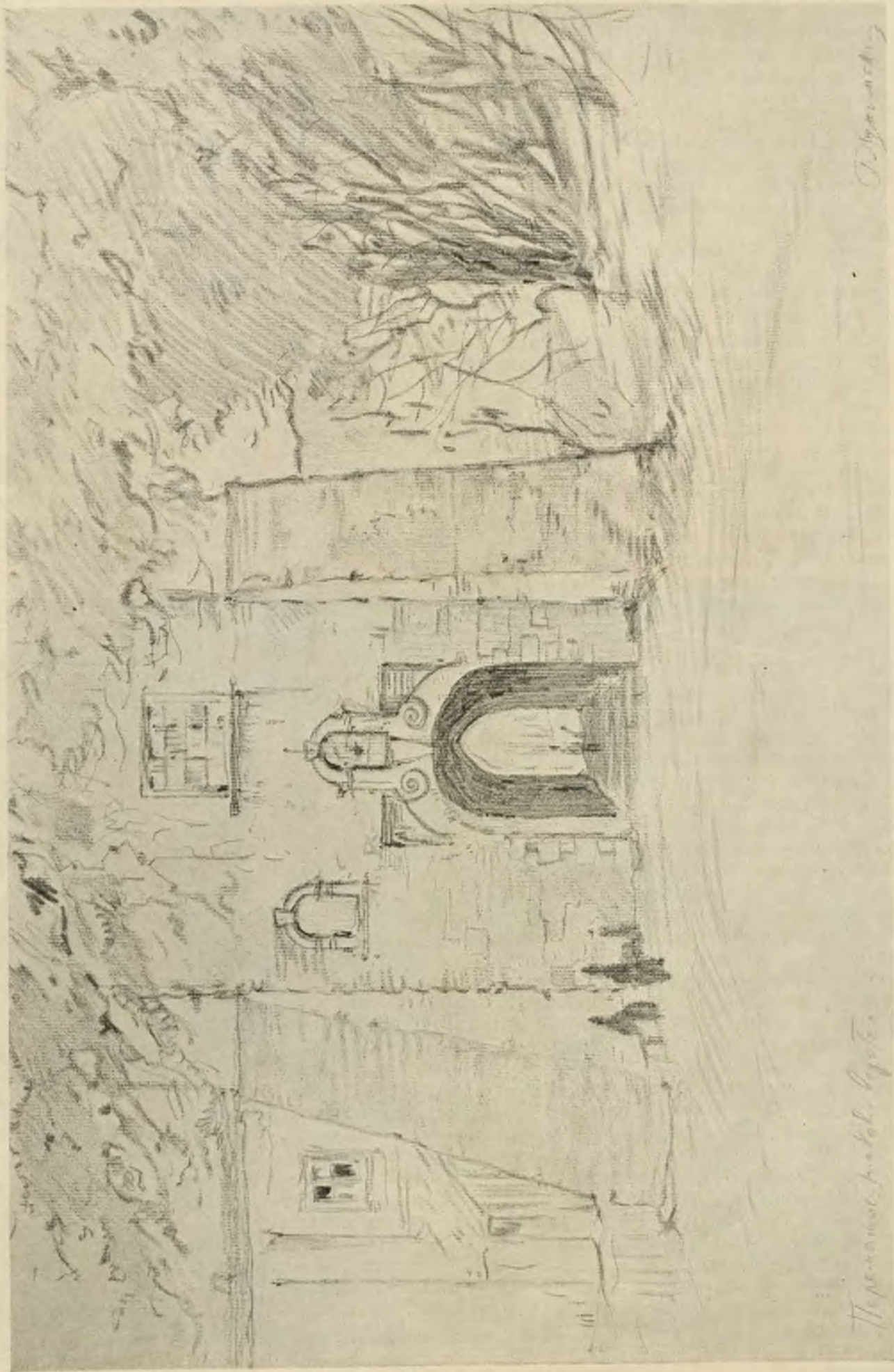
— Да, газету почитаю.

— А я только спесу и вернусь,—сказалъ совѣмъ, какъ товарищу, и Сергѣю Кузьмичу это понравилось.

Вообще онъ сталъ чувствовать потребность говорить съ Сережей: дома только Лукерья, держитъ ее такъ, изъ жалости больше, а то и глупа, и въ богадѣльнѣ ей скорѣй мѣсто; знакомыхъ чуть не полгорода, но такихъ, чтобы съ кѣмъ душу отвести—нѣтъ. Восемь лѣтъ, какъ перебрался изъ Петрограда—не посредствомъ. И Сергѣй Кузьмичъ развернулъ газету.

— Опять турокъ взгрѣли,—сказалъ онъ вслухъ, прочитавъ сообщеніе отъ штаба.

Газетныя строки перевоплощались въ четкіе, живые образы: въ туманѣ, похожемъ на вату, скользилъ и высматривалъ неуклюжій цеппелинъ;

Перемысль. Замковая ворота.

Д. Лукацкий

Рис. Г. Лукомского.

Перемысль. Замковые ворота.

реписать на имя его, Штейна, дома и капиталъ, обѣщая изъ германскихъ банковъ небывалые проценты. Когда передача имущества формально состоялась, старику съ каменнымъ спокойствіемъ было заявлено, что онъ можетъ убраться теперь, куда ему угодно, задержки не будетъ.

Поплакали старики, простились съ дочерью и на скудные гроши, которые зять не успѣлъ выудить, уѣхали въ Пензу къ дальнимъ родственникамъ. Лидочка осталась одна.

Первое время тяжело было, но Штейнъ сумѣлъ убѣдить ее, что все это дѣлается для ихъ пользы, для увеличенія капитала. Какъ бы въ подтвержденіе этого, вмѣсто сдававшихся раиѣ двухъ квартиръ, онъ къ веснѣ отдалъ въ наемъ четыре, а самъ съ женой перешелъ въ неудобный, малопомѣстительный флигель. И какъ-то такъ случилось, что Лидочка оказалась связанной по рукамъ и по ногамъ. Безъ вѣдома мужа она не могла истратить ни копѣйки. Одинъ за другимъ перестали бывать знакомые. Штейнъ холодно, дѣловито зачеркивалъ ненужныхъ ему людей, какъ зачеркивалъ на классной доскѣ нули, приводя дробь къ одному знаменателю.

Между тѣмъ время шло. Лидочка изъ наивной влюбленной полудѣвочки начинала превращаться въ женщину, въ Лидію Александровну. И вотъ наступилъ моментъ, когда она, наконецъ, почувствовала, какую сдѣлала ошибку, связавъ свою судьбу съ судьбой Штейна. Моментъ этотъ былъ—начало сознательной жизни ребенка. Марочка заговорила. Первый же звукъ произнесенный ею, звукъ, весьма отдаленно напоминавшій «мама», вызвалъ между родителями жаркія пререканія.

Штейнъ упрямо настаивалъ на томъ, что это «мама»—есть нѣмецкое «матеръ» и дѣвочка произнесла это слово вполне сознательно, думая по-нѣмецки. Лидія же Александровна утверждала, что ничего нѣмецкаго въ лепетѣ Марочки нѣтъ; съ этимъ мнлымъ мычащимъ звукомъ впервые обращаются къ матери всѣ дѣти, къ какому бы народу они не принадлежали. И ей очень странно, почему онъ такъ настаиваетъ именно на нѣмецкомъ произношеніи. Пускай, ужъ лучше будетъ по-русски, вѣдь Марочка живетъ и, навѣрно, будетъ жить въ Россіи.

Штейнъ разсердился, а Лидія Александровна ушла съ ребенкомъ въ другую комнату.

Этимъ дѣло не кончилось. Съ каждымъ днемъ приходили новыя огорченія. Для Лидіи Александровны все яснѣе становилась сущность мужа, совершенно чуждаго ей по духу, по воспитанію, по взглядамъ на людей и на политическое строеніе міра. Начиная съ вопросовъ культуры и кончая такою невинною вещью, какъ лампада,—все вызывало между ними неудовольствія.

Изъ-за лампы была даже цѣлая исторія.

Какъ многія русскія женщины, въ тихомъ мерцаніи лампаднаго огонька Лидія Александровна видѣла символъ чего-то безконечно высокаго и святаго. Когда Штейнъ приказалъ однажды горничной убрать изъ спальни лампаду, Лидія Александровна расплакалась. Но мало ли слезъ видѣлъ Штейнъ за десять лѣтъ своего учительства? Онъ только посмѣялся надъ сантиментальностью жены. Ни истерика, ни упреки въ грубости и безсердечіи не тронули его.

И много было подобныхъ сценъ, по главное былъ—ребенокъ.

Марочка, напимѣръ, протягивала къ столу рученки. Мать въ это время всю картину въ совокупности: столъ, цвѣты въ банкахъ, стулъ, кошку на полу—воспринимала и думала по-русски, а Штейнъ, держа на колѣняхъ дѣвочку, безстрастно, какъ истуканъ, улыбаясь, объяснялъ ей, что столъ называется—деръ-тишь, цвѣты—блюме, кошка—ди-каце. Противъ нѣмецкаго языка Лидія Александровна ничего не имѣла, но Штейнъ тутъ же при матери внушалъ дѣвочкѣ, что она должна любить только фатерландъ—Германію, что самый лучший народъ въ мірѣ—нѣмцы, а русскіе—это варвары, дикари. За каждое произнесенное русское слово Штейнъ строго наказывалъ дѣвочку.

Въ такомъ положеніи засталъ семью небывалый политическій конфликтъ.

По прочтеніи первой телеграммы о началѣ военныхъ дѣйствій, Штейнъ пришелъ домой, точно имяинникъ.

— Отлично, отлично... Наконецъ, настаетъ время...—сказалъ онъ, улыбаясь какой-то особенной злорадно торжествующей улыбкой.

— Какое время?—спросила Лидія Александровна по-русски.

— Во первыхъ, я очень не люблю, когда со мной объясняются на этомъ варварскомъ нарѣчій... А время такое, что въ самомъ недалекомъ будущемъ германская корона накроетъ весь міръ... весь міръ!—восклик-

нулъ онъ съ несвойственнымъ ему пафосомъ.—Шоненгауэровская воля къ жизни осуществляется...

— Миѣ кажется, не воля, а своеволие, самый безчеловѣчный деспотизмъ...—не смолчала Лидія Александровна.

Ложка дрожала въ ея рукѣ.

— Все великое—деспотично.

— Но деспоты никогда не были великими. Величіе души въ прямой зависимости отъ благородства ея. Въ основѣ всякаго великаго дѣла должна лежать какая-нибудь возвышенная идея. А гдѣ эта идея у германскаго правительства?

— Германія достаточно показала себя, какъ страна наивысшей культуры. Ей остается только приобщить къ этой культурѣ остальные народы. И она это сдѣлаетъ, хотя бы пришлось пролить цѣлыя рѣки человѣческой крови,—сказалъ Штейнъ тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Противъ саранчи единственное средство—огонь!—воскликнула Лидія Александровна.—Огонь этотъ уже загорѣлся. Клянусь тебѣ, Адольфъ, что не пройдетъ года, какъ отъ всей...—она хотѣла сказать «вашей», но сдержалась...—дутой нѣмецкой славы не останется и праха...

— Ты заблуждаешься. Ты еще слишкомъ невѣжественна, чтобы судить о задачахъ моего благороднаго отечества... Васъ еще долго обуздывать надо...

Штейнъ закрутилъ жгутомъ салфетку, взялъ ее за концы и держалъ на отмашь, точно собирался этимъ жгутомъ ударить жену.

— Не хочешь ли ты сейчасъ же начать это обузданіе?—вся вспыхнувъ, сказала Лидія Александровна.

— Мы, нѣмцы—благородные люди. Беззащитныхъ женщинъ мы не трогаемъ...—понижая голосъ, отвѣтилъ Штейнъ.

Лидія Александровна не возражала. Разговоръ этотъ былъ въ высшей степени ей противенъ.

Послѣ обѣда Штейнъ ушелъ заниматься съ Марочкой.

Лидія Александровна долго сидѣла, облокотившись на столъ, съ чувствомъ человѣка, заблудившагося въ дикой безлюдной мѣстности.

— Воля къ жизни...—шептала она, укоризненно глядя на портретъ философа, висѣвшій почему-то не въ кабинетѣ, а въ столовой.—Но развѣ жизнь заключается въ убійствахъ и насиліяхъ?

А жизнь, дѣйствительно, въ эту минуту говорила и сіяла всѣмъ сво-

нмъ пышнымъ осеннимъ разнообра-
зіемъ. Деревья, точно сказочные, одѣ-
тые въ парчу и шелка, богачи, щедро
разсыпали по землѣ цѣлыми пригорш-
нями золотыя деньги—листья; не-
угомонныя синицы, перепрыгивая съ
вѣтки на вѣтку, звенѣли, какъ ве-
селье серебряные колокольчики; на
небѣ кудрявились бѣлые барашки-
облака, и хорошо, свѣтло было въ
природѣ, и природа эта была рус-
ская, своя, родная. У Лидіи Але-
ксандровны даже слезы задрожали на
рѣсницахъ. Гордость, любовь, вос-
торгъ и негодование переполняли
грудь. Хотѣлось живого теплаго сло-
ва, до боли хотѣлось приласкать ре-
бенка, но мужъ былъ холоденъ, какъ
мертвецъ, онъ не могъ раздѣлить ея
чувствъ, а въ чужеземномъ лепетѣ
Марочки ей постоянно слышался ка-
кой-то мучительный затаенный уп-
рекъ, точно ребенокъ жаловался ма-
тери, зачѣмъ она избрала ей въ отцы
иностранца.

— Конечно, я виновата!—съ го-

речью думала Лидія Александровна—
Я... я и никто больше!... Увлелась
этимъ крахмальнымъ проходимцемъ.
Вѣдь мы чужіе; больше—мы враги...
и этотъ врагъ-отецъ моего, моего
кроваго ребенка!..

Въ эту минуту она ненавидѣла
Штейна.

Такъ прошелъ мѣсяцъ, другой, тре-
тій.

Кровавый призракъ войны все шире
и шире развѣтывалъ надъ земнымъ
шаромъ свои огненные крылья. Отъ
столицы до послѣдней деревушки
только и говорилось, что о войнѣ,
про войну и о томъ, что творится около
нея. Тысячи несчастныхъ обезумѣв-
шихъ бѣженцевъ стремились въ глубь
Россіи, неся съ собой ужасныя вѣсти
о германскихъ грабежахъ и звѣр-
ствахъ. Еще большій наплывъ былъ
раненыхъ и больныхъ. Вся Россія
обратилась въ какую-то исполнскую
оранжерею, гдѣ вмѣсто цвѣтовъ рас-
пускались печальныя, бѣлые флаги
съ красными крестами. Появились и

плѣнныя. Часть ихъ была прислана
въ тотъ городъ, въ которомъ жила
Лидія Александровна.

Точно стая волковъ, шли они подъ
конвоемъ со станціи. День былъ мо-
розный, солнечный. На сѣгугу рядомъ
съ людьми двигались густыя сап-
фирныя тѣни и отъ этого казалось,
что плѣнныхъ идетъ по улицѣ вдвое
больше. Толпы любопытныхъ оста-
навливались на тротуарахъ, при-
стально разсматривая невиданныхъ
гостей. А сѣрыя кепи и черныя каски
продолжали идти, понурившись, спря-
тавъ руки въ рукава. Видно было, что
имъ холодно, страшно и одиноко въ
чужомъ, непріятельскомъ городѣ.

Лидія Александровна, какъ разъ
сидѣла въ это время съ Марочкой у
окна. Штейнъ былъ въ училищѣ.

— Мама, кто это такіе?—спросила
Марочка.

— Это, дѣтка, плѣнныя.. Не надо,
милая, говорить по-нѣмецки. Конечно,
языкъ этотъ необходимо знать... такъ
для... изученія нѣмецкихъ писате-

Сигналь.

Рис. В. Мушкетова

Сарынамышъ. Высоты въ сторону Бардусскаго перевала, съ которыхъ турки вели наступленіе, налѣво — вокзалъ, направо — «Орлиное гнѣздо».

лей, но всегда говорить—лучше по-русски... Вѣдь ты живешь въ Россіи, вѣдь ты моя!.. моя!..—

Лидія Александровна крѣпко обняла дѣвочку и цѣловала ее такъ, словно вернулась изъ долгой разлуки.

— Не буду, мамулечка... но мнѣ трудно... и папа не велитъ... А ты все-таки скажи, что это за плѣнные? Зачѣмъ ихъ взяли въ плѣнъ? Почему солдаты съ ружьями, а они безъ ружей? Зачѣмъ у нихъ такія странныя шляпы на головѣ?

Марочка мѣшала русскія и нѣмецкія слова.

Лидія Александровна, улыбаясь на эту милую таробарицу, стала объяснять, увлеклась и заговорила исключительно по-русски. Марочка почти не понимала, что говоритъ мать, но, странно, не перебивала ее, а продолжала внимательно слушать, точно замороженная, точно увидавшая какую-то необыкновенную сказочную картину.

Въ этотъ день Штейнъ былъ очень недоволенъ дочуркой. Нѣмецкіе существительныя и глаголы никакъ не укладывались въ ея кудрявой головкѣ, дѣвочка все точно порывалась куда-то. А ночью Марочка, тайкомъ отъ няньки, пробралась въ спальню, разбудила мать и долго проплакала у ней на груди. Отецъ спалъ крѣпко—не слыхалъ.

Утро. Морозъ. Солнце.

Лидія Александровна проснулась давно, но вставать не хотѣлось; жаль было разставаться съ мягкимъ нагрѣтымъ одѣяломъ. Въ спальнѣ было очень холодно—флигель за ночь сильно выстывалъ.

Гдѣ-то далеко-далеко слышался

утренній благовѣсть. Сквозь морозныя перья на окнѣ, точно въ стереоскопѣ, видѣлся садъ, весь бѣлый, горящій нѣжными перламутровыми красками. Въ саду пустынно—ни птицы, ни человѣка, никого. Точно бѣлыя монахини, застыли на снѣгу яблони и вишни въ ожиданіи какого-то священнодѣйствія. А можетъ быть, это и не монахини, а полныя жизни, молодыя прекрасныя дѣвушки, замершія въ ожиданіи танцевъ? Можетъ быть, голубой, тронутый алымъ орнаментомъ облаковъ, сводъ надъ этими бѣлыми существами совсѣмъ не храмъ, а пышная зала великолѣпнаго сказочнаго дворца?

И вспомнила Лидія Александровна свою юность; одинъ изъ повогоднихъ баловъ въ гимназіи, когда Штейнъ еще не имѣлъ надъ ея сердцемъ неограниченной власти; вспомнила флаконъ духовъ, купленный тайкомъ отъ матери; цвѣтную записочку студента Голубева, какъ бы нечаянно оброненную имъ къ ногамъ Лидочки... Гдѣ онъ теперь этотъ Голубевъ, веселый, славный, «фуражка набекрень»? Наверно, давно кончилъ университетъ и теперь работаетъ гдѣ-нибудь въ полемомъ госпиталѣ, облегчаетъ страданія солдатъ, приноситъ пользу...

А она? Что дѣлаетъ она?..

Первую же шитую для раненаго солдата рубашку Штейнъ изорвалъ на клочки, а когда Лидія Александровна заговорила о любви къ родинѣ и долгѣ, замахнулся на жену кулакомъ и пригрозилъ увозомъ ребенка за границу.

— Не шпионъ ли Адольфъ? Не имѣетъ ли онъ тайныхъ сношеній со своимъ правительствомъ?—впервые пришло на умъ Лидіи Александровнѣ. Зачѣмъ онъ цѣлыми днями бывалъ на

площади во время мобилизаціи и что это у него за таинственная переписка съ заграничными родственниками, которую онъ всегда прячетъ подъ замокъ?

Лидію Александровну даже въ жаръ бросило отъ этой мысли. Она съ ненавистью и страхомъ посмотрѣла на спящаго мужа и невольно отодвинулась подальше. Короткіе стриженные усы Штейна зашевелились, какъ иголки. Онъ что-то промычалъ, отвернулся къ стѣнѣ и захрапѣлъ снова.

— Барыня, къ вамъ можно?.. телеграмма...—послышался за дверью голосъ прислуги Наташи.

— Да, войдите...

Телеграмма была изъ Пензы.

«Пріѣзжай немедленно отецъ плохъ. Видѣть внучку Любящая тебя мать»—гласили писанныя карандашомъ строчки.

— Ничего, барыня... Богъ дастъ,—начала успокаивать Наташа, видя, какъ Лидія Александровна, спрятавъ въ подушку лицо, зарыдала.

Проснулся Штейнъ.

— Это что такое? Какъ вы смѣете, Наташа, входить въ спальню несвоевременно?

— Телеграмма барынѣ...

— Все равно. Могли бы подождать. Я не доспалъ четверти часа; у меня теперь весь день будетъ испорченъ...

— Виновата, баринъ...

Горничная шмыгнула за дверь.

— Адольфъ, я должна сегодня ѣхать въ Пензу. Отецъ умираетъ,—сквозь слезы сказала Лидія Александровна; потомъ, помолчавъ, добавила смущенно:—мать проситъ привезти Марочку...

— Что твой отецъ умираетъ, въ этомъ ничего замѣчательнаго нѣтъ, событіе небольшое—и въ Пензу ѣхать

не за чѣмъ, тратить безразсудно деньги, а тѣмъ болѣе везти на показъ твоимъ старымъ чучеламъ моего ребенка.

Слово «моего» онъ подчеркнулъ.

— Но, Адольфъ...

— Но—русское понудительное обращеніе къ лошадямъ... Я не лошадь... И, вообще, я не намѣренъ больше продолжать на эту тему... Не угодно ли тебѣ лучше заняться чаемъ...

— Такъ ты не дашь мнѣ на дорогу къ умирающему отцу, тобою обокраденному? Не дашь?

— Конечно, не дамъ, — отвѣтилъ Штейнъ тѣмъ безстрастнымъ уничтожающимъ тономъ, какимъ говорилъ въ классѣ съ оторопѣвшимъ ученикомъ, когда тотъ не зналъ урока.

— Хорошо... не падо...—спокойно сказала Лидія Александровна и стала одѣваться.

Чай пили молча. Даже Марочка сидѣла, какъ большая, смиренхонько насупившись, углубившись въ себя. Ребенокъ словно чувствовала, что въ домѣ должно случиться что-то жуткое. Одинъ только самоваръ, поперхнувшись углями, пытался что-то сказать, но ничего кромѣ унылаго задушеннаго хрипа у него не выходило.

Съ уходомъ мужа для Лидіи Александровны начались безкопечныя муки сомнѣній и нерѣшительности. Мысль о томъ, что Адольфъ можетъ оказаться шпиономъ, приводила ее въ ужасъ. Она точно заглянула въ бездонный черный колодець и заколдованная глубиной, колебалась—прыгнуть въ этотъ колодець или нѣтъ. Чувство самосохраненія, привычка къ установившимся формамъ жизни, наконецъ, не совѣмъ еще изжитая чисто женская привязанность къ Штейну удерживали ее отъ рокового прыжка, а чувство гражданки, чувство оскорбленной дочери, долгъ и честь подсказывали ей другое. «Не останавливайся ни передъ чѣмъ. Пусть правда будетъ ужасна,—она все-таки лучше лжи и невѣдѣнія. Ради любви къ родицѣ, отрекись отъ своего маленькаго, личнаго»...

Первое, что нужно было сдѣлать для обнаруженія истины—это открыть въ кабинетѣ ящикъ письменнаго стола. А открыть его можно было, только сломавъ предварительно крышку—съ ключами Штейнъ никогда не разставался.

— Мама, зачѣмъ это?—спросила Марочка, увидавъ въ рукахъ матери принесенный изъ кухни топоръ.

— Это... Я хочу гвоздь прибить въ кабинетѣ... Ступай, дѣтка, играть во

дворъ... Смотри—солнышко... Вонъ Петя вышелъ съ салазками...

— Петя нехорошій... Онъ меня нѣмецкой сосиской дразнить...—надувъ губки, сказала Марочка.

— Онъ не будетъ. Я скажу Наташѣ. Ты же русская... Ахъ, если бы ты знала... Впрочемъ скоро узнаешь... Поцѣлуй меня, родная моя. Видитъ Богъ, мама твоя поступаетъ такъ, какъ велитъ ей совѣсть. Ступай... Вотъ и Наташа...

Проводивъ Марочку, Лидія Александровна заперла дверь на ключокъ.

Философъ укоризненно покосился изъ своего чернаго глубокаго багета на молодую женщину, когда та проходила черезъ столовую. Лидія Александровна съ топоромъ въ рукахъ невольно остановилась предъ гравюрой.

— Воля къ жизни...—задумчиво шептала Лидія Александровна.—Но гдѣ же она эта жизнь? Эта прекрасная таинственная царица?

И какъ-то самъ собой взглядъ ея перебѣжалъ къ сосѣднему дому, въ крайнемъ окнѣ котораго свѣтился трепетный красный огонекъ.

— Навѣрно тамъ въ углу образъ Божіей матери,—подумала Лидія Александровна.—Вотъ она гдѣ жизнь-то! Вотъ куда должна быть направлена воля къ жизни. Адольфъ выбросилъ изъ дома все кконы, называя это язычествомъ, ссылаясь на тебя, великій философъ. Но вѣдь ты и многіе знаменитые атеисты, отрицавшіе Божество, подъ конецъ жизни пришли къ Нему. Почему же твой народъ все дальше и дальше уходитъ отъ Бога? Почему Адольфъ при всѣхъ своихъ знаніяхъ такой жестокой и безсердечный?

Темная, строгая гравюра молчала. Взоръ философа, казалось, всецѣло былъ занятъ шаловливой пляской снѣжинокъ, осыпавшихся съ деревьевъ подъ золотой щеткой солнца.

Отдирая топоромъ дубовую крышку стола, Лидія Александровна испы-

Полковникъ Н. А. Бункрѣтовъ.

Изъ воен. альбома Е. Е. Лансере.

тывала такое чувство, точно заживо рыла для себя могилу.

Послѣднее усилие—и крышка съ трескомъ подскочила вверхъ.

То, что искала Лидія Александровна, было на лицо.

Какъ въ бреду, переворачивала она предательскія шифрованныя бумажки. Можетъ быть, благодаря этимъ мелко исписаннымъ испещреннымъ цифрами клочкамъ, враги Россіи затѣваютъ теперь какую-нибудь злостную, хитрую авантюру противъ нея?

Лидія Александровна брезгливо вздрогнула, какъ будто держала въ рукахъ отвратительную жабу и бросила бумажки на полъ.

Въ это время въ передней задребезжалъ звонокъ.

Думая, что это Марочка, Лидія Александровна побѣжала отворить.

Въ дверяхъ стоялъ Штейнъ.

— Что ты такая растерянная? Забудь о своей Пензѣ... Отецъ, навѣрно, уже успѣлъ умереть... «Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій...»—какъ говоритъ одинъ изъ вашихъ плохихъ поэтовъ... Да что, наконецъ, съ тобой?—забезпокоился Штейнъ, видя, какъ жена все больше и больше блѣднѣетъ, силится что-то сказать и не можетъ.

Жуткое подозрѣніе сжало сердце. Толкнувъ изъ всѣхъ силъ Лидію Александровну, пытавшуюся его удержать, онъ бросился въ кабинетъ.

На желтомъ крашеномъ полу въ беспорядкѣ валялись клочки бумаги; крышка письменнаго стола была оторвана—полный разгромъ...

Ржавое лезвіе топора, мягко пролаившаго кожаное сидѣнье кресла, метнулось въ глаза...

Штейнъ даже зашатался...

Какъ молнія, пропизала мысль объ арестѣ, о полевомъ судѣ и разстрѣлѣ. А Лидія?—нѣтъ, пускай и она погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ... доносчица... змѣя...

Штейнъ дрожащими руками схватилъ топоръ и кинулся обратно въ столовую.

Въ тотъ моментъ, когда топоръ готовъ уже былъ опуститься на голову Лидіи Александровны, въ дверяхъ появилась Марочка.

— Папа!—вскрикнула дѣвочка въ ужасѣ.—Фатеръ!.. и бросилась подъ ноги отцу.

Топоръ свергнувъ лезвіемъ на соліцѣ, быстро скользнулъ книзу и, падая, выщербилъ въ полу глубокую свѣтлую ямку.

А. Липецкій.

Пѣхотинецъ.

Невѣста.

Въ зимнихъ снахъ мы тебя обрядили къ вѣнцу,
Но не спится въ снѣгу онѣмѣломъ:
Наклоняется май къ ледяному лицу,
Расцвѣтаетъ въ гробу твоёмъ бѣломъ.

Помню краткія бѣглыя встрѣчи съ тобой.
Ту весну повстрѣчали мы вмѣстѣ.
Какъ свѣтло, какъ безоблачно день голубой
Улыбался покорной невѣстѣ!

Но, безкрылая птица, родного гнѣзда
Не нашла, хоть искала, нигдѣ ты:
Надъ тобой заливалась ночная звѣзда
Безпощаднымъ багрянцемъ кометы.

Вотъ могила твоя. Вновь мерещатся мнѣ
Ласки солнца и радость приѣзда.
Сладко помнить надъ ней о лѣсной тишинѣ,
О лампадкахъ родного уѣзда.

Борисъ Садовской.

СОПЕРНИЦЫ.

Для меня уже давно не было секретомъ, что наша горничная Наташа влюблена въ моего брата Серёжу. Удивительнаго тутъ ничего не могло быть. Серёжа былъ очень красивъ, жизнерадостенъ, ласковъ и деликатенъ, а Наташѣ было всего семнадцать и изъ мужчинъ она видѣла часто только его одного, если не считать моего увальня—профессора, который ужъ, конечно, не могъ возбудить въ ней нѣжныхъ чувствъ.

Увлеченіе Наташи Серёжей стало яснымъ еще тогда, когда онъ былъ кадетомъ. Я замѣчала это по ея возбужденному виду, по румянцу на щекахъ, по блеску ея глазъ, по легкой дрожи въ голосѣ, когда она обращалась къ нему,—да мало ли еще по какой массѣ признаковъ, часто совершенно неуловимыхъ для мужчины, одна женщина можетъ догадаться объ увлеченіи другой! Правда, многія изъ насъ умѣютъ хорошо скрывать свои чувства, но тутъ нужна огромная выдержка,—результатъ столько же воспитанія и даже наслѣдственности, сколько характера, а могла ли моя бѣдная простушка-Наташа, у которой вся душа, какъ на ладони, похвалиться такой выдержкой, когда послѣдняя доступна не всѣмъ и изъ нашего круга, гдѣ умѣніе держать себя и—главное—сдерживать себя культивируется съ раннихъ лѣтъ, какъ одна изъ главныхъ свѣтскихъ добродѣтелей.

Ясно было для меня, что и сама Наташа правится Серёжѣ—въ этомъ тоже не было ничего удивительнаго: Наташа очень красива, у нея прелестный цвѣтъ лица, правильныя черты, чудные голубые глаза и великолѣпные русые волосы, которымъ откровенно завидуютъ многія мои пріятельницы, и манеры такія изящныя, точно не въ деревнѣ, не въ простой крестьянской избѣ жила она до двѣнадцати лѣтъ, пока я не взяла ее къ себѣ.

Во всемъ этомъ я не видѣла ничего опаснаго съ извѣстной точки зрѣнія: во-первыхъ, я хорошо знала чисто-рыцарскую честность Серёжи, его неспособ-

ность совершить дурной поступокъ по отношенію къ женщинѣ вообще и особенно такой милой и кроткой, какъ Наташа; а во-вторыхъ, знала, хотя онъ и долго старался скрыть это отъ меня, что понастоящему-то онъ влюбленъ въ Катю Старыгину.

Но если я была въ этомъ отношеніи спокойна за Наташу, то тѣмъ болѣе умиляло меня и вызывало во мнѣ особую нѣжность къ ней ея увлеченіе Серёжей. Трогала меня и чистота и свѣжесть его, а еще болѣе—полное отсутствіе какихъ-нибудь расчетовъ на взаимность. На самомъ дѣлѣ, на что могла надѣяться, чего могла ожидать моя бѣдная Наташа?

У меня не разъ являлась мысль поговорить съ нею откровенно, по-дружески, указать ей на полную безнадежность ея чувства и посоветовать ей бороться съ нимъ, но я никакъ не могла рѣшиться на это,—такая глубокая жалость къ бѣдной дѣвушкѣ овладѣвала мною каждый разъ.

Однажды, я заговорила объ этомъ съ мужемъ. Къ немалому удивленію моему мой археологъ оказался въ состояніи понять положеніе такъ же, какъ и я.

Онъ подумалъ немного, а потомъ сказалъ такимъ серьезнымъ тономъ, который ясно показывалъ, что вопросъ не кажется ему несуществующей вниманію мелочью:

— Это, конечно, прискорбно, что такъ случилось. Виноватыхъ въ этой исторіи нѣтъ, но платиться придется бѣдной дѣвушкѣ. Однако, незачѣмъ ускорять наступленіе этой расплаты, что случится несомнѣнно, если ты согласишься съ нею. А главное,—твои совѣты могутъ повліять на измѣненіе ея чувствъ къ Сергѣю?

— Сомнѣваюсь,—вздохнула я.

— Ну, вотъ! Такъ зачѣмъ, значить, и разговоръ заводить? Лучше тогда поддержи ее, когда жизнь сама, безъ твоего участія, откормитъ ей правду. Это полезнѣе будетъ.

— А Серёжѣ тоже ничего не говорить?—спросила я, радуясь, что въ словахъ мужа нашла подтвержденіе своего мнѣнія:

Онъ опять немного подумалъ.

— Ему можно. Посовѣтуй держаться подальше отъ нея, только и тутъ осторожность нужна. Впрочемъ, въ этихъ дѣлахъ я не знатокъ, сама сообразишь не хуже меня,—съ добродушной усмѣшкой закончилъ онъ.

Съ Серёжей я заговорила при первомъ же свиданіи.

Онъ серьезно выслушалъ меня и казался очень смущеннымъ.

— Быть можетъ, тебѣ кажется только, что она влюблена въ меня,—сказалъ онъ и послѣ моего отрицательнаго жеста продолжалъ:—во всякомъ случаѣ даю тебѣ слово, что буду держать себя осторожнѣе; но не потребуешь же ты чтобы я сталъ грубъ съ нею? Это было бы очень трудно для меня,—она такая милая...

— Ну, конечно нѣтъ!—горячиво заявила я, тѣмъ болѣе, что для меня представлялась недопустимою самая мысль, чтобы онъ могъ быть грубымъ съ Наташей.

Серёжа помолчалъ немного, прошелся по комнатѣ, потомъ остановился противъ меня и, открыто глядя мнѣ въ глаза, сказалъ:

— А знаешь, сестренка моя (такъ любилъ онъ называть меня) разъ у насъ зашелъ разговоръ на такія темы, то я, такъ и быть, открою тебѣ свою тайну. Хочешь?

Я улыбнулась и сказала:

— Голубчикъ мой, тайну твою я давно знаю.

Онъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на меня.

— Знаешь?

— Ну, конечно. По крайней мѣрѣ ту, въ которой фигурируетъ Катя Старыгина. Есть, вѣдь, такая тайна?

Онъ засмѣялся и спросилъ:

— Но какъ же ты узнала?

— По тысячь признаковъ, милый! По тысячь, какъ и тайну Наташи, которая такъ же ничего не открывала мнѣ, какъ и ты до сихъ поръ. У насъ, женщинъ, на это особое чутье есть.

— А Катя сама? Какъ ты думаешь, до-

гадывается она,—спросил онъ, пылливо заглядывая мнѣ въ глаза.

— Не знаю,—уклонилась я отъ отвѣта.

— Ой, сестренка, знаешь! Ну, скажи, голубушка! Ну, что тебѣ стоитъ!

— У нея спроси, вѣрнѣе будетъ.

— Страшно!—съ комическимъ ужасомъ произнесъ онъ.

— Страшно?! А еще воинъ будущій!

Болѣе ничего не сказала я ему на это, но для него, очевидно, стало яснымъ, что я не считаю его положенія безпачужнымъ.

II.

Катю Старыгину я знаю съ малыхъ лѣтъ, такъ какъ Старыгины даже родственниками намъ приходится со стороны мужа, но настолько отдаленными, что родство не могло служить препятствіемъ къ женитьбѣ Сережи на Катѣ.

Мысль о возможности этой женитьбы являлась у меня давно, гораздо раньше, чѣмъ я замѣтила первые признаки ихъ влеченія другъ къ другу, и я очень охотно останавливалась на этой мысли, тѣмъ болѣе, что, будучи послѣ смерти папы и мамы единственнымъ близкимъ къ Сережѣ человѣкомъ, не могла не считать себя въ значительной степени отвѣтственной за его счастье. Приглядываясь же къ Катѣ я все болѣе и болѣе склонялась къ мысли, что она можетъ составить счастье брата. За это было все, что слѣдовало принять во вниманіе при обсужденіи этого вопроса.

Катя очень красива, но красота ея совсѣмъ другого свойства, чѣмъ у Наташи,—гордая, властная; чѣмъ она достаточно умна, въ мѣру серьезна и въ мѣру же жизнерадостна. Характеръ у нея ровный; правда, очень мягкимъ называть его нельзя, но нѣкоторая твердость, присущая ему, представлялась мнѣ даже необходимою, чтобы служить противовѣсомъ, излишней даже мягкости характера Сережи, при которой мнѣ заранѣе казалось неизбѣжнымъ, что онъ подчинится вліянію Кати, какъ подчинился бы вліянію и всякой другой женщины, сдѣлавшейся его женою. Здѣсь же, зная очень хорошо Катю, я могла быть совершенно спокойною за него. «Если,—думала я:—Сережа и окажется въ ея рукахъ, то эти руки поведутъ его туда и такъ, куда и какъ слѣдуетъ».

Отецъ ея занимаетъ довольно видный постъ, имѣетъ крупныя связи и очень порядочное состояніе, наследницей котораго является только Катя, такъ какъ ни братьевъ, ни сестеръ у нея нѣтъ.

Конечно, послѣднія обстоятельства въ моихъ глазахъ, а особенно въ глазахъ Сережи, чрезвычайно большого значенія не имѣли, но во всякомъ случаѣ совершенно игнорировать ихъ въ такомъ дѣлѣ, какъ женитьба, не приходилось.

Самое же важное, что слѣдовало принимать во вниманіе, это было то, что Катя была явно влюблена въ Сережу и, если онъ не рѣшался еще повѣрить этому, то отсюда можно было сдѣлать лишь заключеніе о его скромности, о полномъ отсутствіи въ немъ самоувѣренности.

Короче говоря, въ этомъ отношеніи всѣ обстоятельства складывались такъ благопріятно, какъ только можно было пожелать, и я уже заранѣе смотрѣла на Катю, какъ на свою будущую невѣстку.

III.

Разговоръ мой съ Сережей происходилъ въ концѣ мая, когда о возможности близкой войны нельзя было и думать; въ концѣ же лѣта должно было послѣдовать производство Сережи въ офицеры, но во всякомъ случаѣ заводить настоящій разговоръ о женитьбѣ его на Катѣ было бы еще рано.

Правда, онъ-то, конечно, не имѣлъ бы ровно ничего противъ того, чтобы немедленно же закончить свою холостую жизнь, но мнѣ сравнительно легко удалось убѣдить его отложить дѣло, по крайней мѣрѣ, до зимы.

— Но предложеніе-то сдѣлать неужели нельзя сейчасъ?—спросилъ онъ меня такимъ жалобнымъ тономъ, что я невольно расхохоталась.

— Ну, это, конечно, можно. И знаешь, голубчикъ, что скажу я тебѣ въ награду за послушаніе?

— Ну?—оживился онъ.

— Могу увѣрить тебя, что предложеніе твое будетъ принято весьма благожелательно.

— Ты говорила съ нею, сестренка?

— Говорить—не говорила, но знаю, хорошо. А въ этомъ отношеніи опытности моей ты можешь повѣрить. Поэтому будь спокоенъ, мой милый.

— О, такъ я при первомъ же свиданіи заговорю съ нею,—радостно воскликнулъ онъ.

Увы! При первомъ свиданіи заговорить съ Катей ему почему-то не пришлось, а это свиданіе оказалось и послѣднимъ...

Вскорѣ Старыгины на все лѣто уѣхали въ деревню, въ Харьковскую губернію, а тутъ начались великія событія.

Произошло убійство австрійскаго престолонаслѣдника, разомъ сгустившее мировую атмосферу, начались разговоры о возможности войны, затѣмъ послѣдовали австрійскій ультиматумъ Сербіи, выяснившій неизбѣжность катастрофы, было ускорено производство юнкеровъ, въ томъ числѣ и Сережи, начались манифестаціи, мобилизація, и наконецъ вспыхнула война.

За это время намъ почти не приходилось видѣться съ Сережей, но при тѣхъ рѣдкихъ и короткихъ свиданіяхъ, которыя все-таки выпадали иногда, я не могла достаточно налюбоваться имъ.

Чудный мой мальчикъ!

Я приписала было еще слово «бѣдный», но зачеркнула его. Если онъ до послѣдняго мгновенія сохранилъ то настроеніе, въ которомъ былъ въ послѣднія наши встрѣчи, а въ этомъ судя по его письмамъ съ войны, я ни на минуту не сомнѣваюсь, то бѣднымъ его никакъ нельзя называть.

Какъ передамъ я восторгъ и воодушевленіе, охватившіе его, его стремленіе къ браннымъ подвигамъ! Какъ горѣли его глаза, когда онъ говорилъ о высокомъ счастьѣ принять непосредственное участіе въ великой борьбѣ за свободу угнетенныхъ братскихъ народовъ, за славное будущее Россіи!...

— А Катя?—спросила нерѣшительно я его однажды: что думаешь ты о ней?

Легкое облачко пробѣжало мгновенно по его лицу, но онъ тутъ же взялъ себя въ руки и отвѣтилъ почти спокойнымъ тономъ:

— Катю я люблю всею душой. Но и она, надѣюсь, и ты поймете, что сейчасъ мы не принадлежимъ себѣ и что думать о личномъ счастьѣ теперь не время. Но я увѣренъ, сестренка моя, что я возвращусь цѣлымъ, а тогда и личными дѣлами заниматься будемъ.

Это Сережа сказалъ такимъ увѣреннымъ и бодрымъ тономъ, что его настроеніе охватило и меня, а онъ послѣ короткаго молчанія прибавилъ:

— Знаешь, я написалъ все-таки ей. Спросилъ, будетъ ли она ожидать меня, какъ жениха.

— Ну, и что же?

— Да нѣтъ еще отвѣта.

IV.

Отвѣтъ былъ полученъ какъ разъ накануне отъѣзда Сережи на театръ военныхъ дѣйствій.

Какъ и слѣдовало ожидать, отвѣтъ былъ благопріятный.

— Я буду ждать, сколько ни пришлось бы,—писала Катя. И будь увѣренъ, мой дорогой, что не будетъ за время нашей разлуки и часа, когда мысль моя не будетъ съ тобою. И не буду просить тебя, чтобы ты берегъ себя ради меня, такъ какъ знаю, что ты и такъ будешь дѣлать это, гдѣ позволить долгъ; знаю также и то, что отъ исполненія долга тебя не удержать ни любовь ко мнѣ, ни мои просьбы. Храни тебя Богъ!!!

И много еще въ этомъ же духѣ писала ему Катя.

Сережа былъ, конечно, въ восторгѣ и прямо-таки съ благоговѣніемъ говорилъ о своей невѣстѣ.

И отъ души порадовалась за него, но тутъ же вздохнула невольно, вспомнивъ Наташу.

Бѣдная дѣвушка уже знала, конечно, о скоромъ отъѣздѣ Сережи на войну и почти не старалась скрыть своего горя,—да и гдѣ было ей скрыть его, когда оно такъ и рвалось наружу! Безъ жалости на нее нельзя было и смотрѣть!

Въ самый день отъѣзда Сережа еще разъ заѣхалъ къ намъ проститься, хотя мы съ мужемъ собирались проводить его на вокзалъ.

Наташа, видимо, крѣпилась, но глубокая печаль видна была въ ея припухшихъ отъ слезъ глазахъ. Всѣ мы, то есть мужъ, Сережа и я, дѣлали видъ, что ничего не замѣчаемъ. Я наблюдала за Сережей и видѣла, что ему до боли жаль бѣдняжку.

Въ послѣдній моментъ предъ отъѣздомъ, когда онъ уже простился съ нами, Наташа, только что подавшая ему перчатки, хотѣла что-то сказать, но вмѣсто того вдругъ молча прильнула губами къ его рукѣ.

Это вышло такъ неожиданно. Я взглянула на Сережу. Губы его дрогнули и глубокое волненіе отразилось въ его глазахъ.

— Что вы, голубушка! Зачѣмъ такъ,—воскликнулъ онъ и, приподнявъ обѣими руками ея голову, нѣжно поцѣловалъ въ лобъ.

Наташа закрыла руками лицо и убѣжала въ свою каморку...

На вокзалъ мы съ Сережей ѣхали вмѣстѣ, мужъ долженъ былъ явиться немало поздне.

Польскій костель въ Сувальской губ. послѣ ухода нѣмцевъ.

Дев. уцѣлтника похода А. Мартынова.

— Ты не сердись?—спросилъ меня дорогой Сережа.

Я поняла, о чемъ говорить онъ, и вмѣсто отвѣта пожала ему руку.

Онъ помолчалъ немного и прибавилъ:

— Я думаю, что и Катя поняла бы меня...

Когда мы вернулись домой, проводивъ Сережу, Наташа казалась совершенно успокоившейся, и только необычайная блѣдность лица говорила о томъ, какихъ усилий стоило ей это вышнее спокойствіе, и какая скорбь таилась подъ нимъ.

Я не вытерпѣла и, погладивъ ее по головѣ, ласково сказала ей:

— Не горюй, голубушка.

Наташа ничего не отвѣтила и съ благодарностью посмотрѣла на меня.

Это было при мужѣ, и я ожидала, что онъ потомъ замѣтитъ мнѣ, что этимъ я какъ бы начинаю покровительствовать чувству бѣдной дѣвушки, съ которымъ для ея же пользы должна была бороться, но онъ ничего не сказалъ мнѣ.

V.

Сережа писалъ довольно часто. Письма его дышали бодростью и глубокой вѣрой не только въ нашу побѣду, но и въ то, что онъ благополучно возвратится, до

мой. Писалъ съ восторгомъ и о письмахъ Кати.

И каждый разъ, когда получались его письма, по глазамъ Наташи я видѣла, какъ мучительно хочется ей знать, что пишетъ онъ. И у меня не хватало мужества лишать ее этой единственной радости: я читала ей эти письма, но пропускала все, что было въ нихъ о Катѣ.

А какой радостью загорались ея глаза какой румянецъ вспыхивалъ на ея щекахъ, когда въ письмахъ Сережа вспоминалъ о ней и просилъ передать ей привѣтъ! А этого не было въ рѣдкомъ лишь письмѣ.

Правда, я часто думала о томъ, что дѣлаю очень глупо, что вмѣсто того, чтобы осторожно вырывать изъ сердца дѣвушки ея чувство, и способствую его укрѣпленію, но я не находила въ себѣ достаточно рѣшимости поступать иначе.

Въ концѣ лѣта въ Петроградъ пріѣхали Старыгинны.

Катя знала уже изъ писемъ Сережи, что мнѣ извѣстны ихъ отношенія, и мы встрѣтились, какъ сестры.

Почти ежедневно приходила она къ намъ, привлекаемая, конечно, возможностью поговорить о Сережѣ, такъ какъ кто кромѣ меня могъ такъ говорить съ нею о немъ? Правда, было еще одно существо,

которое не менѣе ей жило памятью о немъ,—но развѣ могла Катя предполагать объ этомъ?

Приходила она, обыкновенно, съ какимъ-нибудь шитьемъ или вязаньемъ для солдатъ и начинались безконечные разговоры о нашемъ дорогомъ, далекомъ героѣ. А что онъ былъ дѣйствительно героемъ, это мы знали изъ того, что онъ уже получилъ одинъ орденъ и былъ представленъ къ другому.

Однажды она явилась съ письмомъ отъ Сережи и въ прихожей еще, сбрасывая пальто на руки Наташи, весело крикнула мнѣ:

— Письмо отъ жениха!

— Отъ Сережи!—не удержалась я и тутъ же закусила губы, но было уже поздно.

Наташа, незнавшая до сихъ поръ, что Катя—невеста Сережи, вдругъ поблѣднѣла и схватилась рукою за косякъ. Короткій стоиъ вырвался изъ ея груди.

Катя посмотрѣла на нее, потомъ на меня; брови ея сдвинулись чуть-чуть.

— Что это?—Тихо спросила она.

— Нездорова она сегодня,—послѣ пришла я объяснить и, обратившись къ Наташѣ, сказала:—Голубушка, ты не вставала бы сегодня...

Наташа слабо улыбулась и ушла къ себѣ, съ трудомъ держась на ногахъ.

Мы съ Катей прошли въ гостиную и занялись письмомъ. Я уже начинала думать, что инцидентъ этимъ и закончился; но Катя передъ тѣмъ, какъ уходитъ домой, вдругъ сказала мнѣ:

— Послушай, (мы съ нею были уже на ты) эта дѣвушка... что между нею и Сергѣемъ? Скажи правду...

Она пристально посмотрѣла мнѣ въ лицо.

Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ рассказать ей всю правду, тѣмъ болѣе, что въ ней не было въ сущности ничего такого, что могло бы показаться страшнымъ для Кати или обиднымъ для Сергея, или даже для самой Наташи.

— Повѣрь, милая,—закончила я.— Сережа чистъ предъ тобою, да и эта бѣдненька,—чѣмъ провинилась она?—Сердце у всѣхъ людей одинаково устроено. Правда, я понимаю твое положеніе и постараюсь удалить ее; но это нужно сдѣлать осторожно, нужно пощадить ее...

Катя, повидимому, согласилась со мною и спокойно ушла домой.

Я прошла къ Наташѣ.

Она лежала въ своей комнаткѣ и плакала, уткнувшись лицомъ въ подушку.

— Ахъ, Наташа! Зачѣмъ ты не сдержалась,—совѣмъ не тѣмъ тономъ, какимъ собиралась, промолвила я, садясь около нея.

— Я... я... знаю, что я ему не... не пара. Мнѣ ничего не нужно... и... дай ему Богъ... счастья съ нею, а я... я уйду... не буду мѣшать... Пусть не думаетъ она, что я... мѣшать буду,—сквозь плачъ заговорила бѣдная дѣвушка.

Слезы и у меня подступили къ горлу.

— Полно, милая, успокойся. Все устроится какъ-нибудь — утѣшала я ее, хотя и сама не представляла, какъ могло устроиться все.

Вечеромъ Катя вызвала меня къ телефону.

— Голубушка,—сказала она;—ты права, твоя Наташа ни въ чемъ не виновата и это въ порядкѣ вещей. Забудь, что случилось сегодня и, ради Бога, не вздумай удалять ее.

VI.

Наташа на самомъ дѣлѣ хотѣла уйти отъ насъ, и мнѣ стоило большихъ трудовъ удержать ее; объ этомъ усиленно просила меня и Катя.

— Иначе,—объяснила она:—я буду чувствовать себя виноватой предъ Сергеемъ; мнѣ будетъ казаться, что я обнаружила недовѣріе къ нему.

Наташа осталась, но я не знаю, что было легче для нея, уйти или остаться?

Что было у нея на душѣ,—Богъ вѣсть, но внешне она казалась совершенно спокойной и относилась къ Катѣ точно такъ же, какъ и раньше, пока не знала еще, какія отношенія существуютъ между нею и Сергеемъ.

— И откуда столько силы въ этой, такой хрупкой на видъ дѣвужкѣ?— часто спрашивала себя я, наблюдая за нею:—чего ждетъ она? На что надѣется?

Что же касается Кати, то—увы!—къ удивленію моему, у нея оказалось гораздо меньше выдержки. Правда, она, держалась съ Наташей спокойно, ласково, ни малѣйшимъ намекомъ не давала ей понять, что видитъ въ ней соперницу. Но въ

глазахъ ея мнѣ часто приходилось замѣчать выраженіе, ясно говорившее, что спокойствіе ея—спокойствіе дѣланное и что ревностью полна ея душа.

И ее, конечно, жаль было мнѣ; но иногда, признаюсь, во мнѣ вдругъ пробуждалось недоброе чувство къ ней...

Развязка пришла неожиданно.

Однажды, возвратившись откуда-то домой, я еще въ прихожей услышала изъ комнаты Наташи чьи-то рыданія и успокаивающіи шопотъ Наташи.

Точно кольнуло что-то меня въ сердце и я, не раздвѣваясь, прошла къ Наташѣ.

На кровати, обнявшись, сидѣли Катя и Наташа. Катя горько плакала, прильнувъ лицомъ къ груди горничной, а Наташа, блѣдная, съ помертвѣлымъ лицомъ, но съ сухими глазами, гладила ее по головѣ и нѣжно шептала ей:

— Полно, голубушка! Полно, милая!..

— Катя, Наташа! Ради Бога, что такое?!—крикнула я, уже угадывая похолодѣвшимъ сердцемъ страшную истину.

Катя оторвала лицо отъ груди Наташи и съ усилиемъ сказала роковые слова:

— Онъ убитъ!..

Сказала и снова прижалась къ Наташѣ.

Ноги мои подогнулись, и я опустилась къ ногамъ дѣвужекъ, охвативъ руками ихъ обонхъ.

Тутъ заплакала и Наташа.

Такъ и сидѣли мы, обнявшись все, трое,—невѣста, сестра и горничная сестры павшаго героя. И, какъ слезы наши, сливалась наша скорбь,—мертвый онъ принадлежалъ одинаково всеѣмъ тремъ, и право оплакивать его не раздѣляло а связывало насъ крѣпко-крѣпко...

П. Лѣшковскій.

ВЕСЕННЕЕ.

Посмотри:

Розовой зарей

Загорѣлись въ небѣ пятна...

О, какъ ты, природа, благодатна!

Въ этотъ мигъ нельзя не быть поэтомъ.

Солицу вешнему съ привѣтомъ

Окна раствори...

Посмотри! М. Мазаевъ.

Козювка. На переднемъ планѣ наши окопы, вдали на горахъ—австрійскіе.

Подъ Сколемъ. Замокъ барона Гределя, друга Франца-Иосифа. Половина крыши замка снесена нашимъ снарядамъ.

Очерки войны.

Наглядный методъ обученія имѣеть давно признаннаго преимущества надъ всѣми другими методами. Передъ тѣмъ, какъ попасть на войну, всѣ мы кое-что читали въ газетахъ и брошюрахъ и кое-что слышали отъ достовѣрныхъ очевидцевъ. Но нашимъ познаніямъ не хватало, именно, наглядности. На войнѣ, у самыхъ боевыхъ позицій, наглядность эта пришла къ намъ на помощь очень быстро.

Устроили мы передовой перевязочнопитательный пунктъ въ долинѣ, на окраинѣ большой, полуразрушенной деревни. Привели въ должный порядокъ просторную халупу, доставили перевязочный матеріалъ, медикаменты, провизію. И, когда все было готово, собрались, какъ полагается, водрузить надъ халупой пале знамя: бѣлый флагъ съ Краснымъ Крестомъ, этотъ красивый международный символъ милосердія и любви къ ближнему.

Мѣстные знающіе люди,—тѣ самые, что сидѣли въ соседнихъ окопахъ, на лѣсистомъ горномъ кряжѣ,—оказывали самое радужное содѣйствіе нашей работѣ, но когда дѣло дошло до флага—неожиданно запротестовали.

— Лучше не поднимайте.

— Какъ же такъ? Вѣдь даже и по правиламъ полагается.

— Можетъ быть, и полагается, но только, все-таки, не поднимайте. Цѣль очень ужъ замѣтная. И васъ сейчасъ же обстрѣливаютъ.

— Да вѣдь это же Красный Крестъ!

— Да вѣдь это же германцы!

Изъ-за лѣсистаго кряжа торчитъ высокая лысая макушка, занятая королевской прусской артиллеріей. А у этой артиллеріи есть свое особое мнѣніе о всѣмъ признанномъ международномъ символѣ.

Флагъ мы все-таки повѣсили, но совсемъ маленькій, не больше парубкованной повязки. Отъ этого онъ нѣсколько потерялъ своего значенія, но видѣли его только тѣ, кому слѣдовало: наши раненые.

Такъ вотъ, этотъ первый урокъ нагляднаго обученія дать намъ куда больше, чѣмъ десятокъ газетныхъ статей.

Теперь пункта въ долинѣ уже нѣтъ. Послѣ долгихъ трудовъ и огромной затраты пороха и стали пѣмцы попали таки въ него и сожгли нашу чистенькую халупу,—но нѣтъ и королевской прусской артиллеріи на лысой горѣ. Ее теперь прочно занимаютъ наши. Все вышнее мѣняется, и неизмѣннымъ остается только особое внутреннее свойство германскаго военнаго характера. Очень особое свойство,—которое, пожалуй, навѣки выдѣлитъ за какую-то черту отъ всего остального міра эту націю.

Старый полковникъ, заработавшій Георгія еще въ японскую кампанію, какъ-то однажды, принимая гостей въ своемъ уютномъ блиндажѣ, развелъ руками и сказалъ съ нѣкоторой растерянностью:

— Не понимаю. Даже обидно какъ-то: вотъ не понимаю и только...

— Это вы насчетъ пѣмцевъ, полковникъ?

— Ну, разумеется. Я, все-таки имѣю

Великій Нязь Михаилъ Александровичъ на Нарпатахъ.

Британскій десантный отрядъ обстрѣливаетъ турокъ изъ-за развалинъ взорваннаго форта.

Дорога на Хой, по которой недавно велось наше наступление.

Утренний туалет на высоте 1175 м. въ Нарпатахъ.

Германецъ съ аппаратомъ удушливыхъ газовъ.

Мостъ передъ Тавризомъ.

Дорога на Хой.

нѣкоторый военный опытъ. Всякіе виды видывалъ. А вотъ—не пойму. Какъ это можно воевать безъ всякой военной чести, безъ тѣни благородства? И особенно это неприятно, знаете, когда вспомнишь, напримеръ, тѣхъ же японцевъ. Тѣ были—воины, настоящіе воины, и война была для нихъ—святое и честное дѣло. И насъ они уважали, а нашимъ героямъ отдавали такія же воинскія почести, какъ и своимъ собственнымъ. А это—развѣ войны? Это—хамы ряженые. У нихъ просто никакого различія между благородствомъ и подлостью нѣтъ. Органически нѣтъ. Какое-то пустое мѣсто въ груди. И, конечно, мы ихъ побьемъ. Нельзя не побить, потому что просто передъ Богомъ мы обязаны очистить землю отъ этого смрада. Но, вы знаете, неприятно. Иногда—словно не война, а ассенизація кака-то.

Помолчалъ немного и добавилъ совсѣмъ обиженно:

— У нихъ у всѣхъ есть одна черточка, очень типичная. Мелочь, вы понимаете, но изъ такихъ, которыя кое-что опредѣляютъ. Займутъ они какое-нибудь хозяйство, чистенькое помѣщеніе.—усадебу, или школу, или часовню—имъ все равно. Побьютъ, пошьютъ, а передъ уходомъ

обязательно нагадить на самомъ видномъ мѣстѣ. Ужъ это прямо, какъ твердо установленное правило. Культура тамъ и все такое и вдругъ—гадятъ. И тоже никакъ не уяснишь себѣ,—зачѣмъ? Просто ужъ душа у нихъ такая... благовонная, что-ли.

И мнѣ подумалось, глядя на милого огорченного полковника, что этотъ маленький фактъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ болѣе показательный, чѣмъ даже Реймскій соборъ, или насилія надъ женщинами и дѣтьми, или неязательства илѣнныхъ. Тамъ все-таки что-то звѣриное, хищное; съ чѣмъ можно бороться огнемъ и желѣзомъ, а здѣсь уже просто скотское, тупое и—почти страшное, именно, своимъ врожденнымъ безсмыслиемъ.

— Тяжелая война—сказалъ полковникъ и вздохнулъ.—А побѣдимъ обязательно. Нельзя.

И подъ словомъ «побѣдить» полковникъ разумѣлъ, конечно, не только благопріятный мирный договоръ. Побѣдить,—это значить, сдѣлать такъ, чтобы больше совсѣмъ не было такихъ нѣмцевъ, каковы они сейчасъ. А то передъ Богомъ будетъ стыдно.

Да, война тяжелая. Но кончимъ то мы

ее благополучно,—въ этомъ тутъ, на фронтѣ, твердо и прощиповешно увѣрены всѣ, отъ генерала до послѣдняго обознаго солдата. И пока нужно заботиться только о томъ, чтобы хотя сколько-нибудь облегчить великую тяжесть.

Нашъ большой санитарный отрядъ, со своимъ лазаретомъ, перевязочными пунктами, автомобилями, обозомъ въ сто съ лишнимъ лошадей—теряется въ громадѣ арміи, какъ песчинка на морскомъ берегу. Но и задача у насъ небольшая: по мѣрѣ силъ нашихъ облегчить хотя бы маленькую, какъ песчинка, долю великой тяготы.

Первое время, когда мы только что появились въ этомъ горномъ проходѣ у еще запертыхъ, но уже подающихся подъ нашими ударами воротъ въ Венгрію,—къ намъ присматривались съ нѣсколько недовѣрчивымъ любопытствомъ. Люди хотя и въ военной формѣ, но, все-таки, не совсѣмъ военные и потому—не свои. Во главѣ отряда—геологъ, хранитель музея. А у него подъ началомъ—народъ самый разнообразный: коммерсанты, композиторы, мастера, писатели, студенты, свѣтскія барышни и команда нижнихъ чиновъ изъ нестроевыхъ. Какъ-

то все это немощно ново, не попрехнему, и еще неизвѣстно, будетъ ли толкъ.

Но прошло очень немногое недѣль—и уже никакъ нельзя было разобрать, кто—мастеровой, а кто—композиторъ. Свѣже считая военная форма обошлась, позанылилась, подогналась подъ общій колоритъ. А тѣ, кто первое время наблюдали съ недовѣрчивымъ любопытствомъ, рѣшили опредѣленно:

— Нѣтъ, будетъ толкъ. Это они по настоящему. И, стало быть, не чужіе, а свои.

Имъ и книги въ руки. Не намъ судить о томъ, что мы сами сдѣлали. Старались, пожалуй, на совѣсть, и все-таки кажется, что сдѣлали гораздо меньше, чѣмъ слѣдовало. Но и этого малаго оказалось достаточно, чтобы выросли крѣпкія, хорошія связи между нами и тѣми, кто отдастъ кровь и жизнь за нашу землю, за нашу родину, за нашу честь. И теперь уже, когда пріѣдешь въ окопы, провѣдать свою «летучку», а откуда то изъ-подъ земли справится о вновь прибывшихъ голосъ полковника адъютанта,—

стрѣлокъ изъ службы связи доклады-ваетъ благодушно:

— Наши пріѣхали, ваи-бродь. Сибирцы.

Сибирцы—это потому, что отрядъ нашъ называется сибирскимъ и въ значительной долѣ содержится на средства сибирскихъ городовъ. Но народъ въ немъ есть и съ Певы, и съ Кубани. Одинъ нашъ докторъ, въ мирное время бывшій земскимъ врачомъ, напримѣръ, кубанецъ, и на войнѣ у него проснулись дремавшіе въ земской больницѣ наслѣдственные боевые инстинкты. Одинъ разъ смотрѣлъ, заломивъ папаху, на періятельскій аэропланъ, рѣвавшій надъ нашей позиціей, и вдругъ разразился:

— Эхъ, такъ бы я его и двинулъ, окаяннаго!

И лицо его съ запорожскими усами сдѣлалось не докторскимъ, а совсѣмъ казачьимъ.

Къ намъ присмотрѣлись—и мы сами увидѣли у тѣхъ, среди кого намъ пришлось работать, много новаго и цѣннаго. Даже тутъ только и увидѣли, какъ слѣ-

дуетъ, нашу армию, великую не простой численностью. Отъ начала нашей работы прошло три мѣсяца,—и Богъ знаетъ, сколько ихъ предстоитъ впереди. Но когда нибудь наступитъ день мира и разлучитъ насъ. Мы снимемъ защитныя рубахи и опять будемъ копозиторами, коммерсантами, хранителями музеевъ. Но въ душѣ своей мы унесемъ изъ этихъ бранныхъ полей новую любовь къ нашему великому народу и глубокое уваженіе къ той армии, чьи труды намъ выпало счастье раздѣлить.

Будутъ запаханы изрытыя пивы. Проржавѣютъ, обратятся въ красную пыль зарытые въ землю осколки стальныхъ снарядовъ. И виѣшнее, видимое, можетъ быть, потечетъ попрехнему. Но навсегда останется раздѣляющая борозда между нашимъ прошлымъ и между нашимъ грядущимъ обновленіемъ. Въ этой войнѣ мы, оторванные, прикоснулись къ давно утраченной нами землѣ,—и въ насъ воскресли новыя силы.

Николай Олигеръ.

ДАЧА

Каждый годъ съ наступленіемъ мая для меня—возстаетъ сложный вопросъ—застрѣлиться мнѣ или ѣхать на дачу, но какъ-то такъ складываются обстоятельства, что я все-таки ѣду,—вѣрнѣе меня увозитъ жена въ состояніи близкомъ къ помѣшательству. Но на этотъ разъ (я все еще не вѣрю своему счастью), мы остались въ городѣ и остались въ ту минуту, когда жизнь моя какъ говорится была уже на волоскѣ.

Началось это, конечно, какъ и въ прошломъ году: жена вошла съ газетой въ кабинетъ необычайно радостная и сказала:

— Володя—я нашла дачу. Вотъ посмотри.

Въ безпредѣльномъ омерзѣніи и ненависти—я взглянулъ на отмѣченное ею краснымъ карандашомъ объявленіе.

«Завалишки. Дача. Барскій домъ, со всѣми удобствами, ледникъ, каретный сарай, 14 комнатъ, въ чудномъ мѣстѣ на берегу рѣки... Очень дешево. Телеф. 66000...»

— Зачѣмъ же намъ четырнадцать комнатъ, когда насъ двое?

— Не все ли тебѣ равно,—хоть бы и двадцать пять,—если дешево.

— Для четырнадцати можетъ быть и дешево.

— А не говори глупостей,—я сейчасъ позвоню и узнаю. Телефонъ занятъ.

— Звони,—со зловѣщей покорностью согласился я.

Черезъ нѣсколько минутъ обстоятельно переговоривъ по этому проклятому номеру жена заявила:

— Одѣвайся и ѣдемъ смотрѣть.

— Что такое? Куда?

— Въ Завалишки...

— Позволь—прежде всего сколько?

— Триста рублей.

— За лѣто?

— Еще чего захотѣлъ,—конечно въ мѣсяць.

— Видишь ли—поддѣлывать векселя я не буду,—богатаго родственника,—который бы былъ при смерти у меня то же нѣтъ, такъ зачѣмъ же я поѣду въ Завалишки?

— Это по-твоему дорого... а ты знаешь, что теперь это даромъ.—Каретный сарай, прачешная, оранжерея...

— Да зачѣмъ намъ каретный сарай?

— Ты же всегда споришь? Ну что тебѣ стоитъ,—поѣдемъ и посмотримъ.

— Хорошо,—согласился я, сжимая въ карманѣ кулаки.

Дача оказалась отъ станціи въ десяти верстахъ. Мы втиснулись въ пелѣную таратайку и затрусили подъ проливнымъ дождемъ.

Жена, вѣроятно, думала увидѣть что-нибудь вроде Версаля.—потому что, когда возница свернулъ къ одно-этажному сѣрому домику,—она спросила:

— Это и есть дача?

— Такъ точно.

— Чудесный домъ и какой видъ,—злорадствуя восторгался я.

Жена молча вылезла изъ таратайки и направилась къ крыльцу.

Оранжерея,—оказалась хитрой выдумкой составителя объявленія, а все прочее было болѣе чѣмъ скромно.

— И за это триста рублей,—разочаровывалась жена.

— Почему же, по-моему, очень дешево, и рѣка...

Мутноватый ручеекъ робко жаловался, что онъ скоро пересохнетъ, и сочувственно склонились надъ нимъ чахлые деревца.

По дорогѣ домой жена находилась въ сумрачномъ раздуміи, а я тихо молился, чтобы Господь ее просвѣтилъ, но у самого дома она вдругъ рѣшила:

— А все-таки я беру эту дачу?

— Но оранжерея же нѣтъ—попробовалъ возразить я.

— И не нужно, что ты садовника,—будешь нанимать.

Акс. Вэна.

Сломалась игрушка...

— И каретный сарай—курятникъ какой то.

— У насъ лошадей нѣтъ.

— И комнатъ всего девять.

— Разъ, я сказала беру, то, значитъ, беру.

— Бери, бери, бери—раздраженно воскликнулъ я и не снимая пальто—кинулся въ кабинетъ.

Съ полчаса, вѣроятно, я сидѣлъ передъ

письменнымъ столомъ, дивясь тому, что еще что-то понимаю и чувствую.

Жена обстоятельно говорила по телефону,—«брала», по голосу ея повышался и подъ конецъ, я къ крайшему удивленію моему услышалъ очень энергичныя выраженія.

— Это возмутительно,—устремилась она ко мнѣ:—понимаешь, теперь уже не триста, а четыреста пятьдесятъ...

— А знаешь,—и погорячился—пожалуй, слѣдуетъ дать.

— За этотъ курятникъ?

— Такъ вѣдь черезъ полчаса она будетъ стоять шестьсотъ.

— И пускай хоть бы тысячу.

— Ну, какъ знаешь...

Жизнь моя была спасена,—спасибо войнѣ.

Со словъ обывателя
записалъ Парацельсъ.

УГЛЕМЪ И МЪЛОМЪ.

Портретъ во весь ростъ.

Всѣмъ прибалтійскимъ баронамъ, безъ уваженія, посвящаю.

Очень видный,
Благородный,
Патріотъ въ большомъ масштабѣ,
И солидный,
И дородный,

Фридрихъ-Августъ фонъ-деръ Кнабе,
Ощущая въ средствахъ лирики,
Не красиѣя, какъ (Ш-ш!)... піоны,
Въ чистомъ полѣ ставитъ вышки,
А въ колодцахъ... телефоны.

Есть загадки
Безъ отвѣта,
Факты есть безъ прецедента,
По площадке
Для крокета
Строить дико изъ цемента.
Кнабе жъ строить невозбранно
И притомъ на горномъ мѣстѣ...
Вѣдь крокетъ-то—какъ ни странно—
Этакъ... пудиковъ на двѣсти.

Ради славы,
Не потеря
Жизни годъ убить напрасно,
А канавы,
Всюду мѣря,
Кнабе славу видитъ ясно.
Не способный на интригу,
Съ чистымъ прошлымъ, безъ шиллики,
Онъ издастъ... въ Берлинѣ книгу:
«Прибалтійскія тропинки».

Мудро-ловкій,
Безъ печали,
Бросивъ мелкіе расчеты,
Онъ винтовки
Лучшей стали
Даль лѣвничимъ для охоты...
Дробью бить имъ по плечу ли?
Цѣли дробь достигнетъ рѣдко,
Потому онъ даль имъ пули
И... «Думъ-Думъ» на нихъ помѣтка...

Въ стѣнахъ ниши,
Взрыты пашни,
Вырыть ровъ вездѣ глубоко,
А на крышѣ
Главной башни
Шпиць стальной торчитъ высоко...
Вѣдь, нужна картинѣ рамка
Кнабе жъ свойственна отвага,
И возвелъ онъ сверху замка
Шпиць межъ проволокъ... для флага.

Въ жизни брэнной
И печальной
Не споткнется на ухабѣ
Нашъ почтенный,
Обольстительный фонъ-Кнабе,
Не красиѣя, какъ... (Ш-ш)... піоны,
Ибо стыдъ, какъ,—чувство должно,
Можно ставить телефоны
И... исчезнуть осторожно.

— Все это хорошо, что ты дѣлаешь, но когда же ты перестанешь называть меня бо

Ванюковъ.

